

Богословско-историческая коллекция
**Духовные учебные заведения
и духовное просвещение в России**

Титлинов Б.

**ВОПРОС
ОБ АКАДЕМИЧЕСКОЙ
АВТОНОМИИ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ
ОБСТАНОВКЕ**

Странник, 1908, № 12, с. 673-683

© Сканирование и создание электронного варианта:

Учебный комитет РПЦ
www.uchkom.info

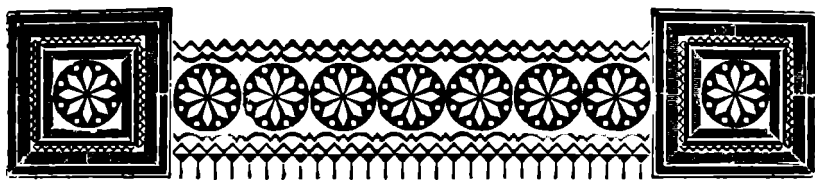
Издательство «Аксион эстин»
www.axion-estin.ru

Духовно-просветительский центр
ИЛИОТРОПИОНЪ

Духовно-просветительский
центр «Иліотропіонъ»
<http://andreyblag.ru>

Москва, 2013

Вопросъ объ академической автономіи въ исторической обстановкѣ.

Первое высшее учебное заведеніе въ Россіи появилось въ 1755 году. Это былъ московскій университетъ. Пересаживая на русскую почву дѣтисше культурнаго запада—университетское образованіе, тогдашнее правительство справедливо сочло нужнымъ поставить его въ наивыгоднѣйшія условія и по крайней мѣрѣ не худшія тѣхъ, въ какихъ существовали университеты на западѣ. Поэтому, по уставу московскаго университета 1755 года, написанному Шуваловымъ, университету предоставлена была самая широкая внутренняя свобода. Университетъ поставленъ былъ въ совершенную независимость отъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ и властей и подчинялся только непосредственно Сенату. Онъ былъ снабженъ своимъ особымъ привилегированнымъ судомъ, простиравшимся какъ на профессоровъ, такъ и на студентовъ, и имѣлъ особаго попечителя (куратора), который долженъ былъ быть его постояннымъ заступникомъ и ходатаемъ предъ верховной властью. Но такъ какъ профессорская корпорація въ то время не была прочно установившейся и состояла больше изъ иностранцевъ, то управленіе университетомъ не получило вполнѣ коллегіальнаго характера. Начальникомъ университета былъ назначавшійся правительствомъ директоръ, который единолично правилъ дѣлами, за исключеніемъ дѣлъ по учебной части и по суду надъ студентамъ, каковыя дѣла рѣшались на конференціи изъ профессоровъ.

Въ такомъ видѣ университетскій уставъ существовалъ до

царствованія имп. Александра I. Духовная школа въ тотъ періодъ также имѣла по тому времени высшія учебныя заведенія. Именно, еще далеко раньше перваго русскаго университета начали свою жизнь академіи кievская и московская. Въ царствованіе Имп. Павла I, въ 1797 году на уровень академій были подняты семинаріи с.-петербургская и рязанская. Правда, тогдашнія академіи не были специально высшими учебными заведениями: въ нихъ совмѣщалось мизшее, среднее и высшее образованіе. Но въ то время такой порядокъ не казался необычнымъ, и самый московскій университетъ имѣлъ при себѣ гимназію, которая собственно была почти тѣмъ же, чѣмъ низшіе классы академій. Однако въ духовныхъ школахъ XVIII вѣка не было и рѣчи о какой либо школьной свободѣ и независимости. Академіи, какъ и всѣ семинаріи, находились въ ту пору въ полной зависимости отъ своихъ епархіальныхъ преосвященныхъ и въ этомъ отношеніи не имѣли никакихъ правъ и привиллегій.

Начало царствованія Имп. Александра I было временемъ реформъ и широкаго общественнаго движенія. Воспитанникъ Лагарпа, полный идеальными планами, молодой государь и его такъ же идеально настроенные приближенные задались планами широкихъ преобразованій, изъ которыхъ едва ли не на первомъ мѣстѣ стояли реформы въ области народнаго просвѣщенія. Въ 1804 году были изданы уставы вновь организуемыхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и новые уставы университетовъ московскаго и вновь учрежденныхъ харьковскаго и казанскаго. По этимъ уставамъ внутреннее устройство университетовъ имѣло уже вполне коллегіальную форму и было основано, какъ и прежде, на началѣ совершенной автономіи во всѣхъ внутреннихъ дѣлахъ. Во главѣ университетскаго управленія былъ поставленъ совѣтъ съ выборнымъ главою—ректоромъ. Совѣтъ состоялъ изъ всѣхъ профессоровъ, а по учебнымъ вопросамъ въ немъ участвовали и адъюнкты (нынѣшніе доценты). Совѣтъ избиралъ профессоровъ, утверждаемыхъ министромъ, и ректора (на три года), утверждаемаго Высоч. властью. Кромѣ обще-университетскаго совѣта, каждый факультетъ имѣлъ свои факультетскія собранія для рѣшенія учебныхъ и маучно специальныхъ вопросовъ и своихъ выборныхъ декановъ. Другимъ органомъ управленія, независимымъ отъ совѣта, было правленіе, состоявшее изъ ректора, декановъ и особаго, назначавшагося попечителемъ, засѣдателя изъ ординарныхъ профессоровъ. Правленіе вѣдало хозяйственныя дѣла

и занималось внутреннимъ порядкомъ и благочиніемъ. Въ послѣдней области университетъ пользовался ирещними широкими правами. Ему принадлежалъ по ирещнему и судъ надъ студентами и чинами университетскаго управленія. Университетъ разбиралъ не только дѣла дисциплинарныя, но всѣ гражданскія тяжбы и иски со студентовъ, за исключеніемъ дѣлъ о недвижимыхъ имѣніяхъ, а въ уголовныхъ дѣлахъ самъ производилъ слѣдствіе и посылалъ своего синдика—засѣдать въ судѣ въ качествѣ депутата. Университетскій судъ имѣлъ три степени—ректора, правленіе и совѣтъ, а аппеляціонную инстанцію надъ нимъ составлялъ Сенатъ. Въ порядкѣ административнаго управленія, по уставу 1804 года, университеты состояли подъ главнымъ начальствомъ Министра Нар. Просвѣщенія и поручались каждый вѣдѣнію своего особаго попечителя. Но власть попечителей состояла преимущественно въ общемъ надзорѣ и не простиралась на внутреннее теченіе университетской жизни. Попечитель утверждалъ лишь нѣкоторыя постановленія совѣта, не взыскивалъ за проступки съ служащихъ и студентовъ и лишь получалъ извѣщенія о всемъ, что происходило въ университетѣ.

Учебныя реформы александровскаго царствованія отразились и въ духовномъ вѣдомствѣ. Счастливая судьба тогда поставила у кормила синодальной оберъ-прокурорской власти одного изъ ближайшихъ Государю лицъ — кн. А. Н. Голицына, — человекъ, настроеннаго въ духъ Государя. По его инициативѣ началась реформа духовныхъ училищъ, въ результатъ которой явилась цѣлая стройная система духовно учебныхъ заведеній. Теперь академіи получили видъ специально высшихъ учебныхъ заведеній, въ имъ было присвоено въ системѣ духовно учебнаго управленія то же значеніе, что и университетамъ въ Министерствѣ Нар. Просвѣщенія: онѣ стали во главѣ учебныхъ округовъ. Но во внутреннемъ устройствѣ академіямъ не удалось получить той свободы, какою пользовались университеты. Не смотря на то, что первымъ составителемъ академическаго устава былъ либеральный и просвѣщенный государственный дѣятель — М. М. Сперанскій, главнымъ образомъ подъ давленіемъ церковныхъ іерарховъ, академіи получили весьма ограниченную свободу самоуправленія. Внутреннее управленіе академіями по уставу 1814 года было возложено не на совѣтъ профессоровъ, а на академическое правленіе, состоявшее изъ ректора, инспектора и эконома, съ замѣной послѣдняго профессоромъ по дѣламъ учебнымъ.

Но ректоръ былъ не выборный, а назначенный высшею властью— Комиссией Д. Училищъ. Правда, кандидатовъ на ректорство представляли епархіальный архіерей и конференція; но при такомъ представленіи, само собою понятно, административное назначеніе почти нисколько не ослаблялось. Инспекторъ академіи избирался конференціей, но сама конференція состояла не изъ выборныхъ членовъ, да кромѣ того, для утвержденія инспектора требовалось одобреніе епархіальнаго архіерея. Экономъ академіи былъ не выборный, а назначенный, и замѣнявшіе его профессора—тоже. Правленію въ такомъ составѣ и были ввѣрены всѣ внутреннія дѣла, за исключеніемъ нѣкоторыхъ дѣлъ ученаго характера. Отъ правленія зависѣло между прочимъ и назначеніе и увольненіе профессоровъ. Какъ бы чувствуя только неловкость такой слѣшкомъ бюрократической организаціи, уставъ 1814 года изъ общаго круга академическихъ дѣлъ выдѣлялъ првсужденіе ученыхъ степеней и производство испытаній ва низшія изъ этихъ степеней—студента, кандидата и магистра и поручалъ то и другое (вмѣстѣ съ нѣкоторыми дѣлами чисто ученаго характера) особому ученому учрежденію при академіи—академической конференціи. Но конференція эта состояла изъ профессоровъ, назначаемыхъ правленіемъ, и назначенныхъ Комиссией членовъ, такъ что опять не имѣла выборнаго характера. При такихъ условіяхъ, очевидно, академическій строй управленія не заключалъ въ себѣ почти никакихъ элементовъ автономіи. Выборное начало, пробывшееся въ замѣщеніи начальственныхъ и преподавательскихъ должностей академіи, при той постановкѣ, какая была дана ему, обращалось въ чистѣйшую фикцію. Отношенія академій къ высшимъ инстанціямъ окончательно уничтожали и въ коллегіальную самостоятельность. Всѣ дѣла академическаго правленія подлежали утвержденію епархіальнаго преосвященнаго, а постановленія конференціи шли на утвержденіе въ Комиссію Дух. Училищъ, причемъ Комиссія утверждала въ ученыхъ степеняхъ, въ университетѣ не подлежавшихъ ничьему утвержденію.

Университетской автономіи, закрѣпленной уставами 1804 года, удалось не долго пережить царствованіе Александръ Благословеннаго. Едва вступилъ на престолъ новый императоръ, какъ начался пересмотръ учебныхъ уставовъ. Прв этомъ, сообразно направленію новаго царствованія, университетскій вопросъ получилъ наклоненіе совсѣмъ въ другую сторону. Въ 1835 году былъ издавъ новый уставъ университетовъ, которымъ внутреннее са-

моуправленіе университетовъ весьма сильно ограничивалось. Правда, совѣтъ университета сохранилъ свою организацію. Ректоръ, деканы, профессора остались выборными. Но университетъ лишился всѣхъ своихъ судебныхъ привилегій, которыми пользовался 80 лѣтъ. Дѣла судебныя по гражданскимъ тяжбамъ и уголовнымъ преступленіямъ подчинены были общимъ судамъ. Дисциплинарная власть надъ студентами была изъята изъ вѣдѣнія университета и предоставлена, помимо ректора и совѣта, инспектору, выбираемому изъ военныхъ или гражданскихъ чиновниковъ и непосредственно подчиненному попечителю учебнаго округа; при этомъ взысканія приняла дисциплинарно-административный характеръ. Дѣла хозяйственныя остались въ вѣдѣніи правленія, но послѣднее сдѣлалось совершенно независимымъ отъ университетскаго совѣта. Въ концѣ 40-хъ годовъ во время великихъ народныхъ движеній на Западѣ, породившихъ европейскія конституціи, русскіе университеты подверглись еще большому стѣсненію. Изъ страха передъ интеллигенціей, число студентовъ университета въ 1849 году уменьшено до нормы 300 чел. Тогда же у университетскаго совѣта было отнято право выбирать ректора, а для преподаванія установлены неподвижныя программы исключаяція университетскую самостоятельность.

Духовныя академіи въ трудную эпоху Николаевского царствованія продолжали жить все время по уставу 1814 года. Но только теперь, сообразно съ настроеніемъ времени, всѣ отрицательныя черты этого устава получили наибольшее развитіе. Академическое управленіе, можно сказать, совершенно утратило коллегіальный характеръ и сдѣлалось вполне единоличнымъ. Всевластіе ректоровъ развилось до крайнихъ предѣловъ; собранія же правленія и конференціи обратились въ пустую формальность и часто существовали только на бумагѣ. Централизація власти также усилилась съ учрежденіемъ Духовно Учебнаго Управленія вмѣсто Комиссіи и сдѣлала сверху управленіе академіями чисто бюрократическимъ.

Но имя Александра, видимо, было счастливымъ для Россіи. Какъ только вступилъ на престолъ Александръ II, такъ снова начался расцвѣтъ общественныхъ силъ, превзошедшій собою „счастливое начало“ дней другого Александра—Благословеннаго. Началась „эпоха великихъ реформъ“, и высшая школа стала возрождаться. Ограниченія 1849 года были отмѣнены вскорѣ за началомъ новаго царствованія, а въ 1858 году пачалась выра-

ботка новаго университетскаго устава при широкомъ участіи общественнаго мнѣнія. Новый уставъ, окончательно утвержденный 18 ноября 1863 года, возвратилъ университету почти всѣ права, установленныя уставомъ 1804 года. Центръ университетскаго управленія снова перешелъ по всѣмъ дѣламъ въ совѣтъ профессоровъ подъ предсѣдательствомъ ректора, куда дозволено было приглашать и доцентовъ, хотя съ совѣщательнымъ голосомъ. Ректоръ, профессора и другіе преподаватели выбирались совѣтомъ (ректоръ на 4 года) и утверждались — первые министромъ, послѣдніе попечителемъ. Увольненіе всѣхъ служащихъ лицъ предоставлялось также университету, съ утвержденія лишь попечителя или министра. Вѣднію университета подчинялись не только учебная и ученая части, но и всѣ дѣла внутренняго университетскаго распорядка. Совѣту принадлежала организація внутренней дисциплины и наблюденіе за нею. Для послѣдней цѣли совѣтъ выбиралъ проректора или инспектора на 3 года, утверждаемаго министромъ и зависимаго отъ совѣта. По уставу 1863 года возстановлялся и университетскій судъ, хотя въ ограниченномъ по сравненію съ прежнимъ видѣ. Именно ему подчинялись лишь дѣла по нарушенію дисциплины и по столкновеніямъ между студентами и должностными лицами университета. Судьями были избраны совѣтомъ профессора, а постановленія профессорскаго суда утверждались въ извѣстныхъ случаяхъ совѣтомъ. Хозяйственная часть осталась въ вѣдѣніи правленія, но прежняя независимость послѣдняго отъ совѣта уничтожилась, и смѣта ежегодныхъ доходовъ и расходовъ спеціальныхъ средствъ подлежала совѣтскому утвержденію. Власть попечителя по уставу 1863 года снова ограничилась однимъ общимъ наблюденіемъ за ходомъ университетской жизни и утвержденіемъ нѣкоторыхъ совѣтскихъ рѣшеній безъ непосредственнаго вмѣшательства во внутренніе университетскіе порядки.

Въ 60-хъ годахъ, наконецъ, и духовнымъ академіямъ удалось воспользоваться тѣми благами самоуправленія, какими до селѣ пользовались одни университеты. Новыя политическія теченія во второй половинѣ 60-хъ годовъ дали въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ перевѣсъ прогрессивно-свѣтскому вліянію надъ консервативно-іерархическимъ, и составленные въ концѣ 60-хъ годовъ уставы духовно-учебныхъ заведеній отразили прогрессивныя вѣянія своего времени. Административный строй духовныхъ академій по уставу 1869 года былъ уже отчасти построенъ на тѣхъ

же началахъ, на которыхъ основанъ былъ уставъ университетовъ 1863 г. Но высшая церковная іерархія не допустила все-таки тогда проникновенія въ академіи „автономіи“ въ университетскомъ видѣ. Первоначально проектъ устава академій былъ составленъ вполне въ университетскомъ духѣ; но въ окончательной редакціи онъ потерпѣлъ весьма значительныя измѣненія. По уставу 1869 года во главѣ академическаго управленія былъ поставленъ совѣтъ, но совѣтъ состоялъ изъ всѣхъ профессоровъ и въ случаѣ надобности доцентовъ съ совѣщательнымъ голосомъ только по важнѣйшимъ дѣламъ; а обыкновенный составъ совѣта составляли ректоръ, три его помощника, инспекторъ и по два профессора отъ каждого академическаго отдѣленія. Инспектора, профессоровъ и прочихъ преподавателей академіи предоставлялось выбирать совѣту въ общихъ собраніяхъ съ утвержденія—первыхъ—Синодомъ, а послѣднихъ—еп. архіереемъ. Но ректоръ академіи по уставу 1869 года назначался Синодомъ, какъ и прежде. Во внутреннемъ распорядкѣ академической жизни уставъ 1869 года отказался отъ прежней строгой регламентаціи ея, предоставивъ это дѣло совѣту. Но какихъ либо судебныхъ коллегій и судебныхъ правъ академіямъ не было предоставлено. Въ дѣлахъ учебныхъ и ученыхъ компетенція академіи была расширена, но далеко не до тѣхъ предѣловъ, какъ въ университетахъ. Такъ, утвержденію самыхъ общихъ собраній совѣта академій были предоставлены распредѣленіе предметовъ ученія и порядковъ преподаванія, переводъ и оставленіе студентовъ, утвержденіе въ званіи дѣйствительнаго студента, утвержденіе программъ для конкурса на вакантныя кафедры. Но всѣ остальные дѣла ихъ должны были подлежать утвержденію архіерея или Синода, такъ что академія не могла самостоятельно утверждать ни въ степени кандидата, ни въ степеняхъ магистра и доктора, каковое право всегда принадлежало университетамъ.

Уставъ 1869 года былъ высшей ступенью самоуправленія, какой только обладали академіи въ теченіи XIX вѣка. Однако, такимъ образомъ, и по этому уставу академіямъ не удалось получить всѣхъ университетскихъ правъ. Но этому уставу и дѣйствовать суждено было не долго—всего 15 лѣтъ. Уже въ концѣ царствованія имп. Александра II подули новые политическіе вѣтры, которые со вступленіемъ на престолъ императора Александра III повернули высшую школу ко временамъ Николаевскихъ уставовъ. Университетскій уставъ 1884 года въ ограни

ченіи университетской автономіи пошелъ даже дальше устава 1835 года. По этому уставу центръ тяжести университетскаго управления съ совѣта переносился на ректора, но не выборнаго, а назначаемаго властью министра. Министру, по уставу 1834 г., предоставлялось право назначать и профессоровъ, а совѣтъ могъ набирать ихъ только по предложенію министра. Декановъ избиралъ попечитель. Такимъ образомъ вся корпорація университета составлялась изъ назначенныхъ лицъ, чего не было никогда до селѣ. Надзоръ за порядкомъ и дисциплиною уставъ 1834 года снова передавалъ въ руки особой инспекціи. Инспекторъ студентовъ опредѣлялся министромъ по представленію попечителя, хотя впрочемъ въ дѣйствіяхъ своихъ и подчинялся ректору. Университетскій судъ былъ уничтоженъ, компетенція унив. совѣта была сужена, власть же ректора и попечителя значительно увеличена. Ректору вѣрялось непосредственное управленіе университетомъ лишь при участіи другихъ органовъ университетскаго управления. Часть дѣлъ совѣта была передана въ правленіе, состоящее изъ ректора, декановъ и инспектора. Всѣ журналы совѣта должны были представляться попечителю, многія дѣла совѣта и правленія были предоставлены на утвержденіе попечителя или министра, и кругъ дѣлъ, рѣшаемыхъ самимъ совѣтомъ, значительно сузился. Въ дѣлахъ по охраненію порядка и дисциплины попечителю было предоставлено главное начальство, съ правомъ давать ректору на этотъ счетъ обязательныя предложенія. При такой постановкѣ университетовъ отъ прежней широкой автономіи сразу, можно сказать, не осталось камня на камнѣ.

Судьба университетскаго устава 1833 года, какъ и слѣдовало ожидать, отразилась немедленно на судьбѣ устава академическаго 1839 г. Элементы автономіи, внесенныя въ послѣдній, не нравились многимъ іерархамъ, и недовольство это при новыхъ политическихъ вѣяніяхъ тотчасъ вылилось въ реальную форму. Въ томъ же 1834 году, когда былъ изданъ новый уставъ университетовъ, былъ изданъ и новый уставъ академій. По этому уставу выборъ инспектора замѣнялся назначеніемъ, и усилилась власть ректора и епархіальнаго преосвященнаго въ ущербъ компетенціи совѣта. Ректору было вѣнено въ обязанность посѣщать лекціи и предоставлено право дѣлать профессорамъ внушенія и замѣчанія. Часть дѣлъ, подлежащихъ прежде утвержденію совѣта, перешла на утвержденіе епархіальнаго архіерея (напр. присужденіе степени дѣйствительнаго студента), а часть

дѣлъ, раньше утверждаемыхъ послѣднимъ, была передана на утверждение Синода (напр. утверждение въ степени магистра). Но надо отдать справедливость академическому уставу 1884 года: онъ не лишилъ совѣтъ права дѣлованія преподавателей, подобно университетскому уставу.

Уставы 1884 года неизбежно дѣйствовали вплоть до знаменательнаго для Россіи года—1905. Въ этомъ году въ силу политическихъ перемѣнъ, жизнь высшей школы снова повернулась въ сторону старыхъ автономныхъ основъ административнаго строя. Высочайшимъ указомъ 27 августа университетамъ возвращены были тѣ права, какія они имѣли по уставу 1863 года. Возстановлено было выборное начало по отношенію къ должностнымъ лицамъ университета, центр тяжести университетскаго управленія былъ опять перенесенъ съ ректора въ совѣтъ, совѣту предоставлено наблюденіе за внутреннимъ порядкомъ и организаціа этого порядка, причемъ инспекція на этотъ разъ совершенно уничтожалась; наконецъ, возстановлялся профессорскій судъ съ той же компетенціей, какую имѣлъ онъ по уставу 1863 года. Прв этомъ изложенныя автономныя начала Высочайшимъ указомъ повелѣвалось положить въ основу будущаго новаго университетскаго устава.

Могучее общественное движеніе 1905 года не могло, конечно, пройти безслѣдно и для духовной школы, со второй половины XIX вѣка чутко отражавшей всѣ перемѣны политическаго курса, тѣмъ болѣе, что съ вопросомъ объ обновленіи строя государственнаго поднялся вопросъ и объ обновленіи строя церковнаго. Черезъ три мѣсяца послѣ университетовъ и духовныя академіи получили свои автономныя права и даже въ размѣрѣ, до сихъ поръ для нихъ недоступномъ. Опредѣленіемъ Св. Синода отъ 26 ноября 1906 года академическимъ корпораціямъ было дано право выбирать ректора и инспектора (утверждаемыхъ Синодомъ): въ составъ академическаго совѣта допущены доценты съ правомъ рѣшающаго голоса, а въ случаѣ надобности и прочіе преподаватели; совѣту академіи предоставлено окончательное утверженіе въ ученыхъ степеняхъ и самостоятельное, въ предѣлахъ закона, разрѣшеніе учебныхъ в воспитательныхъ вопросовъ. Такимъ образомъ, по этому постановленію, академіи получили права выбора ректора и утверженіе въ ученыхъ степеняхъ, какими никогда до сихъ поръ не пользовались, несмотря на всю очевидную странность лишенія особенно второго изъ этихъ правъ. Пра-

вила 26-го ноября, подобно университетскимъ, были при этомъ изданы Синодомъ какъ основанія, которыя должны быть приняты къ руководству при пересмотрѣ устава академій, хотя ихъ дѣйствіе должно было начаться со времени изданія.

Итакъ, въ годину русской конституціи духовная школа впервые получила то широкое самоуправленіе, какимъ уже долго и неоднократно пользовались наши университеты. Но та политическая волна, которая снова направила жизнь высшей школы въ русло автономнаго управленія, не долго устояла на высотѣ своего прилива. Высочайшмъ указомъ 27-го авг. 1905 г. предписывалось автономныя начала положить въ основу новаго университетскаго устава; а вмѣсто того въ самые послѣдніе дни, черезъ три года послѣ знаменательнаго указа, предъ лицомъ общества и законодательныхъ учрежденій лежитъ проектъ устава университетовъ, который снова ограничиваетъ выборное начало почти замѣняя его административнымъ назначеніемъ, возвращаетъ инспекцію, уничтожаетъ университетскій судъ, отнимаетъ у университета право нормировать студенческую жизнь, иначе говоря, возвращается къ основамъ устава 1884 года, да еще въ утрированномъ видѣ. Подобная же судьба, повидимому, грозитъ и академической автономіи. Постановленіемъ Св. Синода 26 ноября 1905 года предписывалось представить основанные на новыхъ началахъ проекты уставовъ къ 1-му февраля 1906 года. Но устава до сихъ поръ нѣтъ, а указанныя для него начала постепенно изгоняются изъ академической жизни. Попытки академій осуществить дарованное имъ право выбора ректора, по освобожденіи вакансіи послѣдняго, встрѣтили непреодолимыя затрудненія свыше, въ результатъ которыхъ одна академія уже скоро годъ живетъ безъ ректора. Проведеніе автономіи во внутренней жизни академій вызвало большое недовѣріе и повело къ ревизіи всѣхъ четырехъ академій, въ результатъ которой, какъ слышно, можно ожидать полной отмены тѣхъ правъ, какія академіи получили 3 года тому назадъ.

Что будетъ въ дѣйствительности, сказать положительно, конечно, невозможно, хотя всего вѣроятнѣе, что дни автономіи высшей школы сочтены. Но съ точки зрѣнія исторической традиціи совершенно ясно, что преимущества давности на сторонѣ автономныхъ началъ. Автономная жизнь духовныхъ академій, правда, собственно начала существовать только съ 1905 года. Однако, если за академіями признаны права высшей школы, то слабое

развитіе здѣсь доселѣ началъ самоуправленія можно считать лишь исторической несправедливостью. Если же отрѣшиться отъ исторической традиціи, то во всякомъ случаѣ нельзя возражать противъ автономнаго академическаго строя на основаніи якобы тѣхъ результатовъ, какими онъ сопровождается. Несомнѣнно и автономіи свойственны извѣстныя несовершенства. Но вѣдь нѣтъ человѣческихъ установленій вполне совершенныхъ, и приходится стало быть выбирать лишь болѣе совершенное. А въ этомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ относительно академій, опытъ прошлаго всего скорѣе свидѣтельствуетъ въ пользу самоуправления. Время самаго „либеральнаго“ академическаго устава 1869 года было временемъ наибольшаго развитія академическаго образованія, равно какъ и, наоборотъ, время самаго консервативнаго устава 1814 года было временемъ застоя и мертвенности академической жизни и академической науки. Что же касается опыта послѣдней автономіи, то до очевидности ясно, что говорить о ея результатахъ слишкомъ рано. Дѣйствіе правилъ 26-го ноября 1905 года отчасти было парализовано, отчасти же—и это главное—совпало съ періодомъ общаго броженія, когда спокойное теченіе жизни всюду было нарушено. При такихъ условіяхъ нѣтъ никакой возможности опредѣлить результата самого автономнаго строя, тѣмъ болѣе, что 3-хъ лѣтній срокъ недостаточенъ для подобнаго опыта даже и при спокойномъ теченіи жизни. Поэтому было бы весьма опрометчиво придавать большое, а тѣмъ болѣе рѣшающее значеніе даннымъ послѣдняго опыта въ сужденіи о достоинствѣ автономнаго строя.

Б. Титлиновъ.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion-estin.ru

На сайте:

- подробная информация о новизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

**Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста,
по электронной почте: info@axion-estin.ru**